

Владимир Кулаков

**СЕРДЦЕ
В ОПИЛКАХ**

Жизнь и судьба (Горизонт)

Владимир Кулаков

Сердце в опилках

«Горизонт»

2016

УДК 821.161.1
ББК 85.35

Кулаков В. А.

Сердце в опилках / В. А. Кулаков — «Горизонт»,
2016 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

ISBN 978-5-98296-126-6

События в книге происходят в 80-х годах прошлого столетия, в эпоху, когда Советский цирк по праву считался лучшим в мире. Когда цирковое искусство было любимо и уважаемо, овеяно романтикой путешествий, окружено магией загадочности. В то время цирковые традиции были незыблемыми, манежи опилочными, а люди цирка считались единой семьёй. Вот в этот таинственный мир неожиданно для себя и попадает главный герой повести «Сердце в опилках» Пашка Жарких. Он пришёл сюда, как ему казалось ненадолго, но остался навсегда... В книге ярко и правдиво описываются характеры участников повествования, быт и условия, в которых они жили и трудились, их взаимоотношения, желания и эмоции. Во многих случаях осталась без изменений лексика некоторых реальных героев. Здесь много юмора и разных хитросплетений ежедневных ситуаций. Читатели найдут для себя ответ на вопрос: «Кто же такие цирковые, какие они?..» Люди, выходящие ежевечернее на залитый прожекторами манеж в блёстках и богатых ярких костюмах, на глазах публики творящие чудеса, оказываются в быту обыкновенными людьми со своими проблемами, желаниями, слабостями и страстями. И лишь манеж превращает их в необыкновенных людей. Собственно, такие они и есть...

УДК 821.161.1

ББК 85.35

ISBN 978-5-98296-126-6

© Кулаков В. А., 2016

© Горизонт, 2016

Содержание

От автора	6
Глава первая	8
Глава вторая	10
Глава третья	12
Глава четвёртая	14
Глава пятая	16
Глава шестая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Кулаков

Сердце в опилках

От автора

Я долго жил среди цирковых. Я был цирковым. Им остаюсь. Теперь уже останусь навсегда...

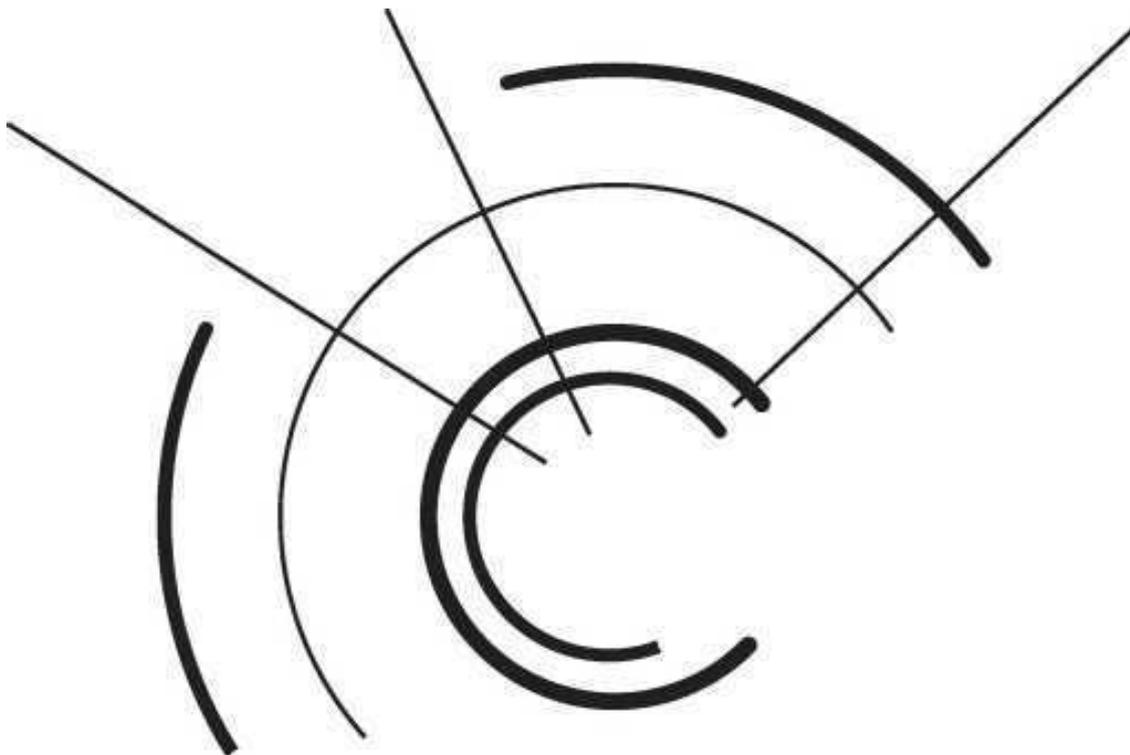
Это не профессия, не стиль жизни, не убеждения. Это – «хромосомы». Их необычная комбинация. Это всё вместе. Как проклятье. Или – Величайшая из наград...

В этой книге что-то вымысел, что-то правда. Но «где – что» – теперь трудно определить, столько времени прошло...

Все события книги происходят в 80-х годах теперь уже прошлого столетия. Многих героев повествования на этом свете больше нет. Кто-то ещё жив...

Век настоящий сменил век минувший. Одна эпоха пришла на смену другой. Мне кажется, что незаметно для всех, одна человеческая цивилизация сменила другую...

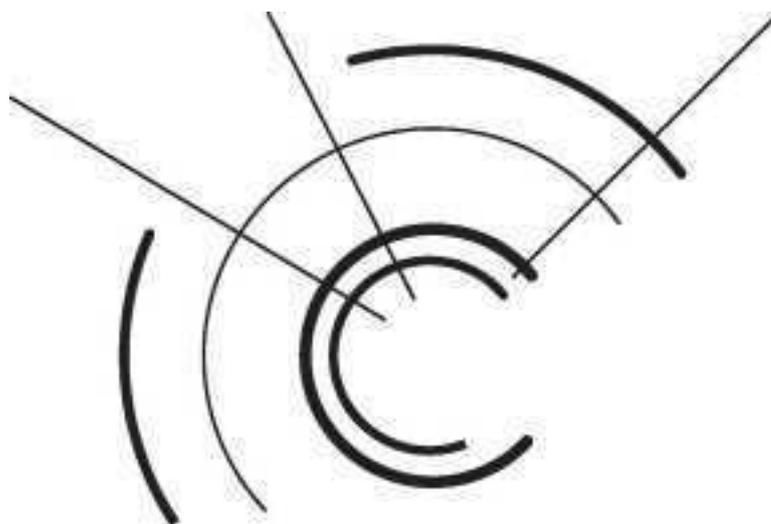
Что-то неуловимо изменилось в этом мире на планете Земля. Поменялось многое, что когда-то грело душу и волновало сердце...

Поменялся цирк, его стилистика. Но не поменялись люди цирка. Они те же, что и прежде. Я с лёгкостью узнаю их на вокзалах, в аэропортах. Мне кажется, что я знаю их всех, как своих родственников. Они и есть – родственники. Одна кровь. Один «хромосомный» ряд – причудливо созданный Великим Небесным Художником.

В этих людях по-прежнему живёт самое ценное – Человеческая Любовь...

Им я и посвящаю эту книгу...

Глава первая

По сортировочной узловой станции, формируя составы, туда-сюда сновали маневровые тепловозы «кукушки». Прозвище они получили за свои необычные гудки, которые почти отчётливо, по-детски, высвистывали: «ку-ку-у!..»

В свете ярких фонарей по рельсам медленно скользили сцепки грузовых платформ, товарных и почтовых вагонов. Они с металлическим грохотом догоняли друг друга, стукались, выстраивались очередью, соединяясь в будущие товарняки. Поблескивая гладкими боками, на которых было написано: «С горки не спускать!», гигантскими сардельками тянулись цистерны с нефтью и прочей огнеопасной жидкостью. Многокиловаттные прожекторы резали ночь, как шахматную доску, на ярко освещённые квадраты путей и чёрные провалы Вселенной. Без конца, на повышенных тонах, по громкой связи звучали неразборчивые команды диспетчеров, размазанные эхом и улетающие куда-то в чрево невидимого неба. Пахло креозотом и ещё чем-то, неудержимо зовущим в дальнюю дорогу...

Из-за тяжёлых туч выглянула луна, на мгновение выхватив из мрака ночи крадущуюся вдоль неосвещённого участка путей фигуру человека. Он внимательно всматривался в силуэты товарных вагонов. У одного из них, на котором виднелась надпись «Живность», он остановился. Чиркнув спичкой в приоткрытый дверной проём, человек удовлетворённо хмыкнул: – Лошадки! Порядок. Карета подана!..

В тёмном углу вагона томилась гора душистого сена, обещающая мягкую постель и надёжное укрытие. Человек зарылся в него с головой, блаженно втянул аромат всеми лёгкими, потянулся и шумно выдохнул. Сморённый усталостью и нервным напряжением последних дней, он мгновенно уснул...

Покачивался вагон, постукивали колёса на стыках. Время несло вдаль по параллельным прямым светящихся рельсов, отмечая мгновения жизни чёрточками мелькающих шпал.

Где-то объявляли пути следования поездов. Одинаковыми металлическими голосами переговаривались сонные диспетчеры. Мелькали полустанки. Поезд то ехал, то останавливался, пропуская на разъездах «скорые» и «пассажирские». Мир куда-то торопился, менял направления, плутал, словно пытался сбежать от самого себя...

...Проснулся он от резкого толчка. Звякнули сцепки. Грохот волной прокатился по вагонам и состав, после долгой стоянки, медленно стал набирать скорость.

Высунув голову из своего укрытия, незнакомец, оказавшийся молодым пареньком лет шестнадцати-семнадцати, увидел в дальнем углу товарного вагона вчерашних лошадей и крепкого старика, который чистил морковь.

Дед, продолжая работу, с хитровой улыбкой пристально рассматривал неожиданного попутчика. Густые седоватые длинные волосы старика весело топорщились. В его смеющихся глазах плескалась синь июльского неба, которая мелькала среди деревьев в приоткрытой двери товарняка.

– Чего уставился? – с вызовом, видимо для собственной храбрости буркнул заспанный парень. Сено смешно торчало в его волосах, как маскировка у притаившегося в траве диверсанта.

– «Заяц»? – в свою очередь поинтересовался старик.

– А ты что, охотник? – посверкивал из своего угла серыми лучистыми глазами явный безбилетник.

– С характером, хомут тебе в дышло! – с удивлением качнул головой старик. – Куда путь держишь, язва несовершеннолетняя?

Парень молчал, затравленно поглядывая исподлобья.

– Ладно, – смилостивился дед. – Давай знакомиться – Захарыч! – представился «генерал конюшни» (как его успела окрестить про себя «несовершеннолетняя язва»).

– Пашка Жарких! – с подчёркнутой ядовитой официальностью бросил он, смачно сплюнув, «цыкнув» слюной сквозь сомкнутые зубы на блатной манер.

Дед с ухмылкой покачал головой.

– Ну, иди, перекусим, Пашка Жарких! Путь, видать, у нас не близкий...

Через час неторопливой беседы Захарыч уже многое знал об этом, оказывается совсем не дерзком, а напротив, даже душевном, но довольно несчастном пареньке. О его беспутном, бросившим семью отце, гоняющимся за «длинным рублём» и лёгкой жизнью, которого он не помнил. Об умершей матери. О беспробудно пьющей тётке, от которой сбежал, окончив восемь классов и работая на разных стройках подсобным рабочим. О жажде путешествий и приключений, пришедшей к Пашке из его любимых книг Грина и Фенимора Купера. И о той неприятной истории на стройке, из-за которой он оказался здесь.

Пашка, чуть не плача от обиды рассказал, как двое каменщиков из его бригады продали кому-то мешки с цементом, а деньги пропили. При разборе всё свалили на него, якобы они сами видели, как это происходило. У Пашки была мечта: он долго копил на джинсы и как раз их купил. Это было аргументом. Им поверили...

От чудовищной несправедливости взрослых бывший член бригады бросился на вокзал, решив бежать куда глаза глядят, оставив в бытовке свои новые джинсы как доказательство его бескорыстия...

– А давай к нам, в цирк! Будешь у меня помощником, – предложил Захарыч. – Твой предшественник два месяца назад в армию ушёл, вот ты его и заменишь. Ну, как? Документы-то есть?

– С собой паспорт и аттестат. Даже не знаю, как догадался захватить – дома переодевался наспех, всё было как в тумане... – Пашка дотронулся до внутреннего кармана лёгкой курточки. Там лежали две книжицы документов, завернутые в целлофан. Его брови взлетели вверх, глаза затрепетали ресницами. Уголки губ, которые от рождения были приподняты вверх, от чего казалось, что Пашка улыбается, даже когда был серьёзным, радостно дрогнули:

– Дед, а ты не врешь? Правда? И я буду ездить по городам и стану циркачом?

Старик усмехнулся этому слову «циркач», – так артистов цирка презрительно называли, по крайней мере, лет семьдесят назад. «Ничего, начнёт работать, многое узнает», – подумал он.

– Будешь, будешь! – хмыкнув, пообещал Захарыч.

Так Пашка Жарких попал в этот удивительный мир, полный романтики, тайн, зовущих далее и приключений, который зовётся коротко – Цирк...

Глава вторая

Гастрольный город, в который они наконец-то добрались, и стационарный цирк, повидавший на своём веку не одну сотню артистов разных величин и званий, встретил суетой и привычной неразберихой.

– Ну, куда я поставлю твоих лошадей, куда, к себе на голову? – сдерживая крепкие выражения, кричал местный инспектор манежа Александр Анатольевич. – Этот Главк каким местом думает? У меня вся конюшня занята! Манжелли отправляем только через пять дней. А тут опять лошади!..

Захарыч насупленно молчал, изредка бросая реплики, оканчивающиеся его неизменным: «Хомут тебе в дышло!..»

– Захарыч! Ну, пойми меня! Я тебя сто лет знаю, люблю и уважаю! Чего твой руководитель не позаботился о нормальной разрядке? Ехали чёрте куда, что, цирков ближе не было? – Инспектор манежа, казалось, сейчас расплачется. – Нет у меня мест, только слоновник остался и то на время.

– Слоновник так слоновник, не страшно. – Захарыч стоял на своём, как защитник Брестской крепости, ему отступить тоже было некуда. – Временный настил сделаю сам, станки тоже, помощи не надо! Переедем в конюшню, когда освободится. Ты лошадей побыстрее разгрузи – они в дороге неделю и на вокзале уже вторую ночь. Потом разберёмся – первый день что ль в бардаке живём!..

Захарыч, закопчённый от печки-буржуйки, которая неизменной спутницей ездила в вагоне с лошадьми, и из-за отсутствия элементарных удобств, выглядел сейчас таким то ли сталеваром после смены, то ли шахтёром, вышедшим из забоя.

– Вы чего, из преисподней явились, грязные как... – инспектор не нашёл приличного слова для сравнения.

– А то ты не знаешь «счастья» наших переездов! – Захарыч вскинул руки. – Сам-то давно в пиджак инспекторский переоделся, хомут тебе в дышло!..

Густой баритон инспектора манежа постоянно громыхал в разных местах закулисья. То он кого-то распекал за неправильно размещённый реквизит, перекрывающий пожарные проходы. То перед кем-то заискивающе извинялся, как перед Захарычем. То откровенно на кого-то орал, мол, не до вас сейчас. И всё время грозился повеситься...

Пашка выглядел нисколько не лучше Захарыча после недельного путешествия в товарняке с живностью. Его невымытые русые волосы стояли торчком словно от испуга. Брюки и куртка-ветровка некогда серого цвета, теперь были, мягко говоря, неопределённого колора. На плечах болтался «походный» армейский бушлат Захарыча, который на пару размеров был больше нужного и в нескольких местах прожжён. Пашка являл собой иллюстрацию эталонного циркового Филиппка. У обоих вид был нелепый и смешной, за что тут же, за кулисами, получили прозвище «беженцы».

Сверкая белками глаз, пожалуй единственным местом, в чистоте которого не было сомнений, Пашка рассматривал незнакомую ему закулисную жизнь.

Сначала он даже оробел. В помещении для хищников рыкали закончившие гастрольные львы. Подошло время их кормёжки. Они так выдыхали свои вопли, что вибрировали двери и давило грудь. Провели осликов на конюшню, которые тревожно прядали ушами, кося глаза в сторону звериного рёва. В «собачнике» после разгрузки мыли пуделей, и оттуда доносился немилосердный лай, который, нет-нет да перекрывали крики дрессировщицы, требующей «закрывать рты!»

Гимнасты из воздушного полёта, готовясь к подвеске аппаратуры на купол, растянули по асфальту стальные тросы от манежа до ворот, ведущих во двор цирка. Инспектор манежа как

раз проверял их блоки, сетку и прочую амуницию, название которых звучало как сплошной иностранный язык. Инспектор требовал у руководителя заменить подвесной трос:

– Петрович! Как хочешь, но с такой подвеской на манеж не пуцу! Смотри – излом! И ты на это хочешь штамберт вешать? А это что за полиспаст? Ты когда верёвку на нём менял последний раз – сплошная махра, порвётся на хрен... Так, ну-ка, это что?

Пашка внимательно наблюдал, как строгий дядька, явно начальник, копается в железяках, разложенных перед ним, то и дело обращаясь к стоящим перед ним в молчаливом почтении полётчикам:

– Ну и блок! Гляди какой люфт! Тебе чего – жить надоело или меня посадить хочешь? Где техпаспорт? Блин, повешусь!..

Грузчики, в основном солдаты подшефной воинской части, сновали туда-сюда: таскали ящики с реквизитом и личными вещами артистов, разнося их по гардеробным и подсобным помещениям, катали контейнеры, пустые клетки для зверей.

Инспектор, высокий стройный человек, с чёрными, слегка вьющимися волосами зачёсанными назад, успевал и здесь покрикивать и давать чёткие указания дальнейших действий. Он размахивал руками, кого-то хвалил, кого-то подгонял и всё время оказывался в центре событий, как главнокомандующий, ведущий бой. Люди ему подчинялись беспрекословно.

– Это кто, директор? – Пашка посмотрел на своего наставника.

– Хм, можно сказать и так! Это – инспектор манежа. – Захарыч отодвинул своего неопытного помощника в сторону. Мимо них, пытая и топя сапогами, солдаты прокатили сцепку из трёх пустых клеток для хищников. Захарыч продолжил, загибая свои чёрные от копоти и грязи пальцы, стараясь ничего не забыть:

– Он отвечает за погрузку-разгрузку, технику безопасности в цирке, размещает животных и артистов, следит за их состоянием, составляет расписание репетиций, программу представлений, объявляет номера, табелирует всех. И ещё много всякого... – последнюю фразу Захарыч сопроводил каким-то безнадежным взмахом руки, заменившим, видимо, ещё долгое перечисление обязанностей этого человека. – Хороший инспектор – закулисный Бог! А этот – один из лучших!.. – Старик улыбнулся, хмыкнув. – Когда-то он был простым ассистентом в аттракционе со слонами, а теперь, видишь, – Александр Анатольевич! – в голосе Захарыча слышались скрытая похвала, симпатия и уважение.

Происходящее за кулисами цирка Пашке казалось каким-то муравейником, срочно переезжающим из-за стихийного бедствия.

– Нормальная обстановка, привыкай! Ничего особенного. Одна программа закончила и грузится, наша приехала и скоро начнёт. Лёгкий «сумасшедший дом» перед премьерой... – Захарыч потянул Пашку за рукав. – Пойдём слоновник посмотрим, да в душ сходим, а то людей пугаем. Потом на вокзал, к лошадям. Сегодня ночью будем разгружать...

Глава третья

Пашку Жарких временно оформили в систему «Союзгосцирк» служащим по уходу за животными в номер с лошадьми. В цирке ему выписали новенькую трудовую книжку, заполнили расчётные листки и выдали временный пропуск. Александр Анатольевич, как и положено инспектору манежа, провёл «вводный инструктаж» и «инструктаж на рабочем месте». Пашка с Захарычем оставили свои «автографы» в мудрёных инспекторских книгах и приступили к работе.

Время завертелось ренским колесом акробата. Ранние подъёмы, поздние отбои, ночные дежурства на конюшне. Чистка лошадей и овощей, кормёжка, уборка денников, подготовка животных к репетициям и выступлениям. Пашка потерял чувство времени, ходил как сомнамбула, исполняя приказы Захарыча автоматически. Молодой работник и не подозревал, что столько времени и сил требует простой уход за восьмёркой лошадей. Также он вряд ли догадывался, что многое из его прямых обязанностей Захарыч незаметно брал на себя. За первую неделю своего служения и так худощавый Пашка похудел ещё больше и осунулся. Его выразительные глаза смотрели грустно и как-то по-детски жалобно. На стройке ему было несравнимо легче.

Руководитель номера Казбек него джигиты, куда устроился Пашка, настороженно присматривались к новичку, видя его полную неопытность.

Пашка попытался было помогать во время представлений, но он пока больше мешал, нежели приносил пользы. К тому же, за кулисами во время работы номера царил такая кутерьма, что попасть под лошадь было делом одной секунды. Сдержанно, но твёрдо Казбек приказал Захарычу отправить «молодого» на конюшню и оттуда «ни ногой» – время придёт...

«Ничего, обвыкнется...» – Захарыч как мог помогал своему начинающему помощнику. Лишнего не требовал, оберегал, по утрам отпаивал отваром из овса, заставлял есть овощи, пару раз давал самовольные выходные...

...К концу второй недели новичок стал потихоньку приходить в себя. Захарыч понял это по бодрой его походке и обычному шутовскому тону, от которого старый конюх начал было отвыкать:

– Захарыч, доброе х-хрютро! – мгновенно скаламбурил Пашка, услышав на конюшне неожиданное хрюканье, которого раньше не было. Старик, подметавший денник, на мгновение замер с метлой в руках. Пашка начальственным тоном продолжил: Слушай, тебя нельзя ни на минуту оставить – конюшня превращается в свинарник! Или ты меня решил теперь салом откормить, чтобы потом нещадно эксплуатировать? Ты подметаешь, подметаешь!..

Пашка стоял в проёме конюшennых ворот, сложив руки на груди и по-пижонски оперевшись ногой о стену. Очередной внеурочный выходной Пашке явно пошёл на пользу. Парень отоспался и порозовел. Теперь от белёных стен конюшни его уже можно было отличить.

– Ожил, хомут тебе в дышло! – Захарыч радостно всплеснул руками, широко улыбнулся и ответил на Пашкин вопрос, кивнув в угол:

– Это мне ещё одного помощника дали, теперь вас двое... – Захарыч посмотрел в сторону, откуда раздавалось утробное хрюканье.

– Какой масти, вороной аль серый в яблоках? «Полутяж» или скакун? – Пашка блеснул знаниями, приобретёнными неделю назад.

– «Полудохлый болтун»! – подобрал рифму Захарыч в тон Пашке, определив его собственную «масть». – Это клоуна свинья, Смыкова. Новенькая, молодая. Он её будет дрессировать, потом в номер введёт. Сколько у нас простоит не известно. Пока, вот, хрюкает. Попробовал покормить её сухарём, куда там! Не жрёт, хм, – краля!.. – Видавший виды Захарыч был удивлён и озадачен поведением свиньи. Обычно они едят всё подряд. А тут – сухарь, деликатес!

– Захарыч! А может ты её не с той стороны кормил? – вкрадчиво спросил молодой помощник, делая серьёзное и озабоченное лицо. Увидев, как Захарыч, мысленно отсеивает «непечатные» слова и набирает в лёгкие воздуха, чтобы ответить, Пашка опередил:

– Я всё понял, Захарыч! Она час как на конюшне, но тобой уже сыта по горло!

Старик, улыбаясь, сделал вид, что погнался за своим, наконец-то пришедшим в себя, помощником...

Глава четвёртая

Захарыч...

Почти никто из цирковых не знал его имени. Для всех он был просто – «Захарыч». Это служило ему и именем, и фамилией, и должностью.

Хотя он был берейтором, задача которого – дрессировать лошадей, готовить их к манежной работе, но, по факту, работал и простым служащим по уходу за животными, и ветеринаром при необходимости, и ночным сторожем, и ангелом-хранителем любого цирка, в котором находился на гастролях. Он мог как никто заточить сверло, подклеить жонглёрский реквизит, зачалить любой трос для воздушников, сплести редкой красоты и качества арапник, дать дельный совет. Даже мог одолжить денег со своего скромного жалования. К нему носили стогоревшие чайники, кофемолки, обувь для починки, остановившиеся часы и всё остальное. Однажды приволокли стиральную машину. Через час она уже вовсю жужжала в прачечной цирка.

Захарыча, казалось, знал весь мир – столько людей к нему обращалось и пользовалось его услугами, на все голоса и оттенки произносилось спасительное – «Захарыч»! Он так к этому привык, что, пожалуй, и сам с трудом помнил своё имя...

Пашку заинтересовал этот вопрос и он его задал.

– Никита, вообще-то... – как-то неуверенно ответил Захарыч на вопрос. – Никита Захарович Стрельцов, девятьсот десятых годов рождения! – может, впервые за долгие годы представился он. – Казачьего сословия. С Дону...

У него были могучие разлапистые руки, добрые и шершавые, с заскорузлыми, узловатыми, пожелтевшими от табака пальцами. Когда он ими касался лошадей, те громко пофыркивали, млели и улыбались глазами...

Руки Захарыча были постоянно чем-то заняты: то выпрямляли какую-то проволочку, то что-то строгали, шили, клепали. И только поздно вечером они, наконец, обретали ненадолго покой. Пашка глядел на них и думал: «Сколько же вы переделали и перевидали за свои семьдесят с лишним лет!...»

После репетиции номера с лошадьми и уборки конюшни Захарыч с Пашкой садились чаёвничать. Это было нерушимой традицией. Стрельцов заваривал свой фирменный крепчайший чай, а Пашка приготавливал гору сухарей. До этого Пашка думал, что заварка нужна только для цвета: чай – это так – кипяток с сахаром, не более того.

Захарыч много поведал ему о чае: где и как тот растёт, о чайном листе, о способах его сбора и заварки, – как это делают в Грузии, в Узбекистане, Азербайджане и других республиках. У старого циркового был специальный заварной чайник, почерневший от времени, который он бережно заворачивал в специальную тряпку на переезды. Под столом стояла самодельная электроплитка с ковшом для воды – неперемные объекты для внимания пожарных во всех цирках. Тем не менее, они путешествовали с Захарычем, наверное, с тех пор как появилось электричество.

После чаепития Захарыч сворачивал свою «термоядерную», (как окрестил её Пашка Жарких), самокрутку. Через минуту он окутывался сизым ядовитым туманом, являя собой что-то среднее между паровозом Черепановых и проснувшимся Везувием. Курил Стрельцов исключительно махорку или самосад, которые покупал на местных базарах, считая сигареты с папиросами «дамским» баловством. Глядя на внушительных размеров самокрутку, Пашка как-то съязвил:

– Теперь я понимаю, кто виноват в том, что «капля никотина убивает лошадь»! Твоим «фугасом», Захарыч, можно угробить целый табун этих несчастных животных!

– Вот и не кури! Плохая привычка! Не бери с меня пример! – Захарыч с наслаждением затянулся, дрогнул небритым кадыком и пустил струю дыма в приоткрытую дверь шорной.

Его глаза – два слегка замутнённых возрастом синих озера, довольно поблёскивали из-под кустистых седых бровей.

«Ему бы бороду – вылитый Дед Мороз! – улыбнулся про себя Пашка. – Хотя, нет, тот не курит...»

В своей жизни Никита Захарович Стрельцов осилил всего четыре класса церковно-приходской школы, осиротел и попал в балаган. Там и прошли его «университеты». Но несмотря на это, Захарыч завидно грамотно строил свою речь и удивительно много знал.

– Курсы младших командиров да книги – вот, брат, мои ликбезы! – ответил старик на очередной Пашкин вопрос. Оставалось только удивляться, когда он успевал читать, при своём почти что двенадцатичасовом рабочем дне.

Захарыч строго посмотрел на своего помощника:

– До твоей учёбы мы тоже доберёмся! – пригрозил он пальцем. – Восемь классов в наше время – это хрень какая-то. Этот... как его... – Захарыч пощёлкал пальцами и поднял глаза к задымлённому потолку шорной, словно там была шпаргалка. – Ага! Атавизм это. Вот!..

Глава пятая

...Ольга влетела с манежа за кулисы разъярённой кошкой. Причёска её была взлохмачена, глаза метали искры. За ней лёгкой трусцой проследовали партнёры по номеру Виктор и Алексей. Это были здоровенные ребята, не очень артистичные и пока «слабоватые» как ниже. Номер был новым, парни старались как могли, но получалось не всегда, как хотелось...

– Мать вашу!.. – начала орать Ольга, как только закрылся за ними занавес. – Вы что, охренели сегодня?

Ольга была выдающейся «верхней» – лучшей в жанре «ханд-вольтиж». Это признавали все. Возможно поэтому была требовательной до самодурства. На манеже она летала из рук в руки партнёров отточенным совершенством, исполняя потрясающие отрывные трюки, безукоризненно приходя в точку после любого пируэта или сальто-мортале.

Но здесь, в этом номере, её умение скорее мешало. Теперь она исполняла трюки на металлической палке, которую партнёры держали в руках. После акробатических прыжков приземляться гимнастке приходилось на тонкую «жёрдочку». Задача партнёров была поймать Ольгу и сбалансировать в нужной точке...

– Оля, тише, за «портянкой» – люди!.. – попыталась успокоить кричащую артистку пятидесятипятiletняя дрессировщица собак Людмила Тимофеевна Котова, намекая на не такой уж и плотный занавес форганга. Она курила, покусывая свой любимый длинный мундштук, прислонившись к стене, как стоят «барышни» в марсельском порту, поджидая подгулявших «кавалеров», готовых за пару «весёлых» минут растаться с несколькими монетами. Её напмаженные губы были вызывающе ярко-красного цвета. В этом была вся Людмила Тимофеевна...

Котова! Это был огненный коктейль Молотова из безвкусицы, неуловимого шарма, увядшей женской красоты, великовозрастной сексуальности и комизма. Эта женщина жила как хотела, как ей нравилось. Она была старше своего нового мужа Алексея, партнёра Ольги, на четырнадцать лет. Любила выпить. Жила без комплексов – открыто и свободно. Некоторым с ней было легко. Другим – нет...

При первой встрече она ошарашивала своей вульгарностью и темпераментом. С ней боялись вступать в дебаты даже начальство из главка и именитые артисты. Она сама была – Именем!

Для неё не существовало авторитетов. Котова признавала только истину, какой она ей виделась. Без раздумий защищала слабого. Всегда поддерживала начинающих. Она пробивалась с «низов»...

Это был человек без «двойного дна». Находиться с ней рядом было мукой – в любой момент ты мог оказаться объектом её внимания – и тогда берегись! В то же время – интересно и радостно!

Она разговаривала невероятно смачно, колоритно и остроумно, используя какой-то то ли акцент, то ли диалект-говорок, свойственный персонажам Бабеля из «Одесских рассказов».

Котова была матерщинницей. Редкой. Так виртуозно в «Союзгосцирке» не ругался никто. Это не было площадной бранью, которая оскорбляет нормального человека. Это являлось, скорее, своеобразным искусством использования ненормативной лексики, которое сначала вгоняло в ступор, потом хотелось слушать и слушать – настолько «рождаемое» становилось неожиданным и цветасто-остроумным «шедевром».

Из классического мата она ухитрилась сплести и выстраивать многоэтажные «версальские дворцы» в стилях: барокко, рококо, ампир – со всеми свойственными им пилястрами, винтообразными капителями, завитушками и кучеряшками. Её «перлы» разлетались по циркам «почтовыми голубями».

Котова стала прижизненно цитируемым классиком русского мата...

– Сколько можно меня ронять! – аж повизгивая, вопила Ольга, нет-нет да переходя тоже на ненормативную лексику. От злости она готова была вонзить свои когти в партнёров и пустить в ход весь накопившийся яд взбешенной «королевской кобры». – Меня пассивировать некому! Я что, б..., за воздух цепляться должна? Какого... не подходите, вы же – нижние!..

– Оля! Тише!.. – Котова с показательно равнодушным видом пустила очередное роскошное колечко дыма.

Ольга вместе с «ядом» снова выплеснула парочку крепких, «не девичьих» выражений.

– Оля, девочка, не оскверняй свой ротик, тебе не идёт! Прибереги его для более приятных вещей! Это я без мата, – шо щи без томата...

– Что тише, Тимофевна! Они меня сегодня три раза на задницу усадили! И надо же, блин, как назло, – телевидение снимало!..

Её партнёры, Виктор Селиванов и Алексей Анфиногенов, стояли опустив головы и жилистые ручищи. Алексей, последний муж Котовой, в жизни был приветлив, но неразговорчив. Все слова за него обычно говорила «Тимофевна». Виктор, тот вообще в день говорил обычно два слова: «здравствуйте» и «до свидания». Если произносилось что-то ещё, сверх нормы, считалось – Виктор «разболтался»...

Сегодня же, пока Ольга «оценивала» их работу, Витя полушёпотом выдал партнёру недельную норму слов:

– Не, Лёх, ну чё мы в самом деле: бабу – и на жопу!

Ольга всхлипывала от бессилия, может даже хотела заплакать, но в гневе как-то не получалось:

– Блин! Зрители ржут! А я, вместо комплимента, то и дело задницу отряхиваю!..

– Оля! Что ты волнуешься, как целка в первую брачную ночь! Ну, напала на тебя «паду-чая»! Зато покажут по телевизору, в программе «Здоровье», – «успокоила» гимнастку опытная артистка, которая повидала на своём веку и не такое. – Тебе ещё прыгать и прыгать! Своим тощим тухесом ты причешешь манеж ещё не один раз!..

Пашка, который иногда отлучался из конюшни, чтобы посмотреть номер-другой, в очередной раз вылупил глаза, слушая закулисную «беседу» артистов.

Вчера была похожая ситуация, но только разнос тогда после работы устроила сама Котова. Та по полной программе «натолкала» своим афганским овчаркам, которые сцепились за кулисами. Из всего замысловатого текста в памяти осталась основная мысль:

– Что вы жрёте друг друга, как х...е цирковые!..

Попутно досталось служащим, которые не уследили за собаками. Котова и им «популярно объяснила», что нужно делать в «критические дни»...

Пашка поинтересовался у Захарыча, что это за «тётя»?

– Эта «тётя», как ты говоришь, – заслуженная артистка. Легенда цирка! Это сейчас Люда собак дрессирует. А когда-то она работала «высшую школу верховой езды» и «па-де-де» с Борисом Манжелли. Так что лошадей она знает не хуже меня... Эх, время, время!.. – Захарыч сделал паузу, пошарил по карманам, ища махорку. – Ты бы Котову видел в знаменитой на весь мир «Штраусиане» и «Русской берёзке» с Юрием Ермолаевым! Вот это были конные номера! Люда – это золото нашего цирка! Ты не гляди, что она такая, она – хороший человек! Настоящий! А как мастер – фору ещё любому молодому даст! Ты на неё даже сейчас в манеже посмотри, а не за кулисами...

Помощник Захарыча не часто видел, чтобы его наставник о ком-то говорил с таким уважением. Пашка стоял в курилке и внимательно всматривался в наштукатуренное лицо молодой артистки, одетой в странный симбиоз костюмов «Золушки» и «Феи» одновременно...

Ольга продолжала «дымиться»:

– У меня вся ж... синяя. Я так до пенсии не доживу!..

– Ой, Оля, синезолая ты моя! Тебе до пенсии – как мне до моей первой девственности...

Женька-полётчик, тут как тут, – не удержался от вопроса, пытаясь подражать говору Котовой:

– Людмила Тимофеевна, а шо, бывает и вторая девственность?

– Женя, мальчик мой! В жизни всегда есть место подвигам – когда-нибудь и куда-нибудь – всегда бывает в первый раз...

Пашка стоял открыв рот, переводя взгляд с одного говорившего на другого. Он считал, что цирковые – это «небожители»! Но то, что он слышал сейчас, явно не укладывалось в его голове.

Котова, заметив внимательно слушающего Пашку, посоветовала:

– Молодой человек, закройте рот, а то тоже потеряете целомудренность в этом месте, как я когда-то...

– Людмила Тимофеевна! Если бы вы знали, как мне с этими дебилами хреново!.. – слезливо пожаловалась Ольга, видимо, рассчитывая на поддержку.

Котова, докурив, решила закончить затянувшееся обсуждение, подведя итог:

– Оля! Это – цирк! А плохой п...де – плохо везде!..

...Нахохотавшись, артисты разошлись по своим делам, готовясь каждый к своему выступлению.

Котова глянула в настенное зеркало, подправила свезённую мундштуком губную помаду и пробурчала:

– М-да, как будто в... – далее шло довольно точное и фривольное сравнение, не рекомендованное для ушей несовершеннолетних. С лёгкой хрипотцой в голосе, скомандовала:

– Готовимся, бойцы!..

Ассистенты стали подводить на исходную «афганцев», безостановочно лающих и нетерпеливо рвущихся с поводков. Котова, покрикивая, то и дело их успокаивала, осаживала, по ходу продолжая остроумно матерно каламбурить.

Наконец форганг распахнулся.

На манеж вышла... Королева цирковой арены...

Глава шестая

Из шорной в очередной раз валил густой синеватый махорочный дым. Пашка как раз попал в очередное облако, которое выпустил на волю куривший.

– Бонжур, Захарыч! – в дверном проёме появилась прищурившаяся и кашляющая ехидная физиономия молодого помощника, пришедшего на работу. – Гив мию, плиз, смокинг! – отмахиваясь от дыма и продолжая кашлять, блеснул он знанием иностранных языков.

– Чего? – чуть не поперхнулся Стрельцов, до этого мирно пивший чай и теперь благодушно куривший. – Какой смокинг?

– Вот темнота дореволюционная! Дай закурить, говорю! Это – по-английски!..

– Для того, чтобы курить мою (тут Захарыч ввернул недавно услышанное и понравившееся ему слово) «фирму», надо иметь лёгкие с оглоблю! А у тебя, доходяга, грудь как у петуха коленка! – в свою очередь парировал выпад старик. – Это по-русски, хомут тебе в дышло!..

Пашка примирительно рассмеялся:

– Всё, – ничья! – И уже совсем радостно: – Доброе утро, Захарыч!..

Пашка широко улыбнулся своему наставнику и насвистывая арию «мистера Икса», пошёл переодеваться в рабочую одежду. Впереди ждал обыкновенный цирковой день...

...Конюшня блистала чистотой и опрятностью. Каждая вещь находилась на своём месте, однажды ей определённом. Лошади стояли в станках по кличкам, строго в алфавитном порядке: «Алмаз», «Гранат», «Изумруд», «Малахит», «Рубин», «Сапфир», «Топаз», «Янтарь». Сбруи в шорной висели в том же порядке с теми же именными табличками. Что-то отыскать в хозяйстве Захарыча было делом нескольких секунд. Этим он и заведовал. Руководил же групповым номером джигитов Осетии, а следовательно, и Захарычем с Пашкой, артист, с которым при встрече почтительно раскланивались в цирке все. Звали его – Казбек.

Иногда наступает желанное время в жизни артиста, когда его фамилия становится Именем. Здесь был иной случай, ещё более уникальный, когда имя заменило всё.

Казбека знали в стране и за рубежом. Когда произносили его имя, сразу представлялся блистательный мастер-наездник и высочайший класс его номера. Он всего добился сам, работая до седьмого пота, и того же требуя от других.

– Он, как и я когда-то, начинал у Кантемировых. Захватил ещё самого старика Али-бека! Это была – школа! – Пашка понял по интонации Захарыча, что это высочайшая оценка, хотя названная фамилия ему ни о чём не говорила.

Конная группа, куда устроился Пашка, называлась по имени руководителя и знаменитой горы – «Казбек». Вначале, правда, писалось осетинское название «Ур-схох» («Белая гора»), но оно как-то не прижилось. На афишах вечно печатали с ошибками. Казбек заводился, скандалил, пока однажды кто-то не посоветовал ему не мудрить, а писать всем известное – «Казбек». Вскоре во всём цирковом мире стал известен этот конный номер и сам джигит.

Во всех интервью руководитель джигитов любил рассказывать историю, связанную с его именем: в начале девятнадцатого века селением у подножия Белой горы владел князь Казбек. Его имя стало названием аула Казбеги, по аулу русские называли и гору. Казбек утверждал, что его прапрадед и был тем князем...

Чуть меньше месяца назад, через несколько дней после разгрузки лошадей, Захарыч представил руководителю номера нового служащего по уходу за животными. Перед Пашкой стоял темноволосый стройный красавец с ярко выраженными кавказскими чертами и такой же речью. Его спокойные движения завораживали. Это был уверенный в себе человек, очень уважительный, с умным пронизательным взглядом. Когда он двигался, было ощущение, что он медленно танцует. Повороты его были грациозны, неторопливы и выразительны. Позже Пашка

увидит совсем иной темперамент этого человека на манеже, его мастерство, и будет гордиться, что попал в этот номер.

– Если Ныкита Захарович тебя берёт, я нэ возражаю. Если этот человек говорит «да», я никогда нэ скажу «нэт!». Я ему верю больше, чем сэбе!.. – Заговорил Казбек низким глуховатым голосом, местами с неподражаемым акцентом. Некоторые привычные уху буквы у него имели дополнительные звуки, которые не воспроизвести другому человеку. Он говорил «вкусно» – заслушаешься...

– Пиши заявлэние. Только помни – я тебе доверяю сокровыщницу. – Казбек подвёл Пашку к лошадям и перечислил их имена, написанные на табличках. Он любил именовать животных названиями драгоценных камней – Это валютный фонд! Каждая лошадь – две-три машины стоит!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.